

ВЕСТНИК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 9
Выпуск 2

2015
Июнь

ФИЛОЛОГИЯ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
ЖУРНАЛИСТИКА

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С АВГУСТА 1946 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Васильева Э. В.</i> Готические конвенции и воспитательная интенция в «Рассказе старой няньки» Э. Гаскелл	4
<i>Горошкова Р. Р.</i> Память и чувства в рождественских повестях Ч. Диккенса 1840-х годов	11
<i>Климовская А. Я.</i> Гендерный аспект романов А. Брукнер «Родные и друзья» и «Заповздавшие»	18
<i>Куранда Е. Л.</i> «Король Лир» в переводе Михаила Кузмина и Анны Радловой	28
<i>Придорогина Е. А.</i> Миф о женщине в дилогии Франка Ведекинда «Лулу»	38

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Бацуева В. С.</i> Категоризация здорового образа жизни средствами фразеологии: аксиологический аспект	48
<i>Боднарук Е. В.</i> Классификация речевых актов с футуральной семантикой (на материале немецкого языка)	62
<i>Бузальская Е. В.</i> Функции концепта в современном эссе	76
<i>Генералова Е. В.</i> Лексико-семантические характеристики разговорного русского языка XVI–XVII вв.	85
<i>Горбов А. А.</i> Механизм семантического калькирования и его роль в восполнении дефектных парадигм числа абстрактных существительных в современном русском языке	96
<i>Емельянова О. В.</i> Об одной модели выражения ценностных представлений в современном английском языке (<i>Life is about people</i>)	105

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ОСНОВАН В 1724 ГОДУ
1824 – ГОД ВЫХОДА В СВЕТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ УНИВЕРСИТЕТА

© Авторы статей, 2015

© Издательство

Санкт-Петербургского университета, 2015

<i>Куницына О. А.</i> Из опыта текстологического анализа представления катастрофы в новостном дискурсе (на материале газетных сообщений, освещающих тайфун Хайян).....	113
<i>Минченков А. Г., Горелова А. А.</i> Концепт DISRESPECT и возможности его изучения.....	122
<i>Нифонтова Д. Е.</i> Техники ориентации ранненововерхненемецкой драмы на рецептивные возможности ее зрителя (читателя).....	130
<i>Новожилова К. Р.</i> Лингвопрагматическая характеристика диалогичности в частной переписке И. В. Гёте.....	136
<i>Руднев Д. В.</i> История возвратных связочных глаголов со значением возникновения	144
<i>Соболева Н. П.</i> Влияние особенностей контекста на окказиональное использование фразеологических единиц в рекламных слоганах к фильмам.....	155
<i>Федорова М. А.</i> Орфография Мстиславова евангелия и проблема узкой датировки памятников раннедревнерусского периода.....	164
<i>Шарихина М. Г.</i> Однородные сказуемые в языке переводного Метафрастова Жития Николая Мирликийского (на материале русских списков XV–XVI вв.).....	177
<i>Смирнова Н. В., Щемелева И. Ю.</i> Роль письма в современном университете: анализ зарубежной практики обучения академическому письму.....	185

ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Жилякова Н. В.</i> «Коммерческая пресса» дореволюционного Томска: рекламно-информационные газеты на рынке провинциальной периодики начала XX в.	198
<i>Олейников С. В.</i> Миротворческий потенциал и язык конфликта современной журналистики	208

На наш журнал можно подписаться по каталогу «Пресса России».

Подписной индекс 36319

Свидетельство о регистрации СМИ № ФС77-46846
от 30 сентября 2011 г. (Роскомнадзор)

Ответственный редактор Вестника СПбГУ
канд. биол. наук *Н. А. Гуляева*

Редактор *М. П. Соболева*
Компьютерная верстка *Ю. Ю. Тауриной*

Подписано в печать ответственным редактором серии 15.06.2015.

Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 00,00. Уч.-изд. л. 00,00. Тираж 165 экз. Заказ № 000

Адрес Издательства: 199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11/21.

Тел./факс 328-44-22

А. А. Горбов

МЕХАНИЗМ СЕМАНТИЧЕСКОГО КАЛЬКИРОВАНИЯ И ЕГО РОЛЬ В ВОСПОЛНЕНИИ ДЕФЕКТНЫХ ПАРАДИГМ ЧИСЛА АБСТРАКТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация,
190008, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16

Семантическое калькирование является одним из важных механизмов иноязычного контактного влияния на русский язык на рубеже XX–XXI вв. Проведенный анализ показывает, что необходимым условием функционирования этого механизма является переводная эквивалентность слов языка-источника и языка-реципиента на уровне значения, являющегося исходным для того переносного значения, которое приобретает слово языка-реципиента. В статье рассматриваются примеры семантических калек, в частности — способствующих восполнению парадигм числа существительных *продажа*, *озабоченность* и *практика*. Библиогр. 21 назв.

Ключевые слова: семантическое калькирование, дефектные парадигмы, современный русский язык.

SEMANTIC CALQUING MECHANISM AND ITS ROLE IN THE REPLENISHMENT OF DEFECTIVE ABSTRACT NOUN NUMBER PARADIGMS IN MODERN RUSSIAN

A. A. Gorbov

National Research University Higher School of Economics, 16, Soyuz Pechatnikov str., St. Petersburg,
190008, Russian Federation

The paper analyses the criteria for determining semantic calques in modern Russian based on typical examples. The analysis shows that a semantic calque can be clearly attested only when there is a pre-established translation correspondence between the words of the source language and the target language. Special attention is paid to the examples of semantic calques that lead to the replenishment of formerly defective number paradigms of abstract nouns such as *продажа*, *озабоченность* and *практика*. Refs 21.

Keywords: semantic calques, defective paradigms, Russian language.

Изменения, происходящие в русском языке в период с начала 1990-х годов по настоящее время, находятся в фокусе внимания лингвистов. Особенно широко обсуждаются факты, связанные с резкой интенсификацией процессов лексического заимствования. Однако иноязычное влияние на русский язык не ограничивается прямым заимствованием лексики: важную роль играют и процессы калькирования.

В первую очередь следует обратить внимание на семантическое калькирование, поскольку в русском языке последних десятилетий преобладает именно такой тип калькирования, тогда как в XIX в. чаще имело место калькирование словообразовательное (ср. [1, с. 223]). Этот механизм контактного влияния приводит не только к расширению лексической семантики отдельных слов, но и к некоторым грамматическим изменениям.

Анализу процессов калькирования уделяется гораздо меньше внимания, чем рассмотрению вопросов, связанных с прямым лексическим заимствованием. Л. П. Крысин объясняет это двумя факторами: во-первых, малым количеством калек в языке по сравнению с числом прямых заимствований и, во-вторых, трудностью выявления калек ввиду отсутствия четких критериев, по которым то или иное

новообразование следует считать результатом иноязычного влияния, а не процесса развития языка в соответствии с его внутренними закономерностями [1, с. 221]. С положением о трудности выявления калек следует, по-видимому, согласиться. Однако остаются неясными основания для сравнения количества калек и прямых заимствований: возможно, впечатление малочисленности калек создается из-за того, что большая их часть остается невыявленной.

Наибольшие затруднения связаны с выявлением семантических, а не словообразовательных или фразеологических калек, поскольку в этом случае никакие элементы плана выражения не дают информации о возможном структурном заимствовании. При этом представляется, что все же существуют факторы, позволяющие предполагать наличие семантической кальки с достаточно высокой вероятностью.

Необходимыми условиями для выдвижения обоснованной гипотезы о калькировании являются наличие культурного контакта предполагаемого языка-реципиента с предполагаемым языком-источником и отсутствие в предполагаемом языке-реципиенте в периоды, предшествующие установлению контакта, лексической единицы с соответствующими свойствами.

Механизм семантического калькирования как контактного влияния может быть описан следующим образом¹. Некоторая лексическая единица WL2 языка-реципиента L2 получает новое значение 'X' по аналогии с лексической единицей WL1 языка-источника L1, уже имеющей такое значение. При этом выбор именно лексической единицы WL2 для выражения значения 'X' в языке-реципиенте L2 осуществляется не произвольным образом, а на основании уже имеющейся стойкой ассоциации между этой единицей и единицей WL1 языка-источника. Основанием для такой ассоциации является установившаяся переводная эквивалентность между WL1 и WL2 в некотором значении 'X', обычно являющимся исходным значением единицы WL1 для ее производного значения 'X'. Такая эквивалентность на уровне исходного значения 'X' является, безусловно, необходимым (хотя и не достаточным) условием признания факта семантического калькирования.

В работах, где вводится и определяется понятие семантической кальки, приводимые авторами иллюстративные примеры отвечают требованию словарной переводной эквивалентности на уровне исходных значений. Например, механизм приобретения русским существительным *утка* переносного значения 'ложное известие, дезинформация' под влиянием французского *canard* (пример Е. В. Мариновой [2, с. 136]) в качестве необходимого предварительного условия предполагает наличие словарного соответствия на уровне исходных значений: 'X'_(WL1 = CANARD) = 'X'_(WL2 = УТКА) — ср.: 'X'_(CANARD): "A. — Oiseau aquatique palmipède de la famille des Anatidés, à large bec jaune, aux pattes courtes et aux ailes longues et pointues, dont la chair comestible est recherchée" (Перепончатопалая водоплавающая птица семейства утиных с большим желтым клювом, короткими ногами и длинными крыльями заостренной формы, съедобное мясо которой является ценным продуктом) [3]; 'X'_(УТКА): «1. Водоплавающая птица с широким плоским клювом, короткой шеей и короткими, широко

¹ Далее при описании механизма семантического калькирования в работе используются следующие буквенные обозначения: L1 — язык-источник калькирования; L2 — язык-реципиент (калькирующий язык); WL1 — лексическая единица языка-источника; WL2 — лексическая единица языка-реципиента; 'X' — некоторое исходное значение, общее для единиц WL1 и WL2; 'X' — переносное значение единицы WL1, производное от значения 'X'.

расставленными ногами...» [4, с. 533]. Таким образом, имеет место тождество исходного значения 'X', благодаря чему и становится возможным калькирование имеющегося у единицы W11 переносного значения 'X'_(CANARD): "С. — Fausse nouvelle souvent imaginée de toutes pièces et enflée jusqu'au mélodrame dans des journaux de seconde catégorie" (Ложное известие, часто полностью выдуманное и раздуваемое до мелодраматических масштабов во второсортных газетах) [3].

Применение критерия переводной эквивалентности исходных значений лексических единиц в языке-источнике и языке-реципиенте позволяет отграничить появившиеся в русском языке рубежа XX–XXI вв. новые семантические кальки от случаев самостоятельной семантической деривации, а игнорирование указанного критерия может привести к ошибочному признанию кальками результатов самостоятельного развития у лексических единиц новых значений.

Именно такая ошибка имеет место в случае признания жаргонизма *крутой*, *круто* (*крутой парень*; *это круто!*) семантической калькой с английских прилагательных *tough* и *cool* или любого одного из них (такая трактовка представлена, например, в [5, с. 161] со ссылкой на [6]; [7]). Легко увидеть, что попытка приложить описанную выше схему процесса калькирования к переносным оценочным значениям прилагательного *крутой* (и предикатива *круто*) даст отрицательный результат, — сопоставление исходных значений предполагаемых объектов калькирования и предполагаемой кальки свидетельствует об отсутствии переводной эквивалентности: 'X'_(TOUGH): "1. (Of a substance or object) strong enough to withstand adverse conditions or rough handling..." (1. (О материале или предмете) достаточно прочный, чтобы выдерживать неблагоприятные условия или небрежное обращение...) [8]; 'X'_(COOL): "1. Of or at a fairly low temperature" (1. Характеризующийся относительно низкой температурой (имеющий место при относительно низкой температуре)) [8]; 'X'_(КРУТОЙ): «1. Почти отвесный, обрывистый ... || Резко изогнутый или очерченный; выпуклый ...|| Высоко поднимающийся» [9, с. 140].

Ввиду несоответствия исходного значения прилагательного *крутой* исходным значениям прилагательных *tough* и *cool* переносные значения русского прилагательного нельзя признать полученными в результате калькирования: появление у прилагательного *крутой* переносных оценочных значений «отличающийся особой силой, агрессивный и впечатляющий этими качествами» (*крутой парень*, *крутой авторитет*) и «производящий сильное впечатление, неординарный, особо престижный» (*крутой прикид*, *крутая тачка*) является результатом самостоятельного развития семантики русского прилагательного на основе имеющихся у него зафиксированных в словаре значений «Суровый, упрямый, своевольный... || Очень строгий, решительный, резкий» и «Проявляющийся и действующий с большой силой и резкостью...» [9].

Особо следует отметить, что, вопреки мнению Е. В. Мариновой (см. [1, с. 136]), принадлежность лексической единицы — кальки к пласту исконной лексики языка-реципиента критерием определения калькирования не является: калькирующая единица может быть и заимствованной, в том числе заимствованной относительно недавно. В частности, Л. П. Крысин, рассматривая существительное *резюме* в значении «краткая автобиография с характеристикой деловых качеств, представляемая кандидатом на какую-либо должность, участником какого-либо конкурса и т. п.» [10, с. 661], совершенно справедливо отмечает, что «[э]то новое значение представляет

собой семантическую кальку соответствующего значения многозначного английского слова *resume* [...]» [11, с. 108].

Представляется, что механизм калькирования работает совершенно независимо от происхождения слова, которое в языке-реципиенте получает новое значение в результате применения этого механизма. Рассмотрим еще один пример относительно новой кальки, материальная оболочка которой не является исконно русской.

Анализ значения слова *цитирование* в широко употребительном ныне словосочетании *индекс цитирования* дает достаточные основания предполагать, что в данном случае имеет место семантическая калька с английского языка.

Существительное *цитирование*² образовано по продуктивной модели от глагола *цитировать*, который, согласно словарю, имеет только одно значение — «приводить *цитату*, цитаты» [10, с. 873]. У существительного *цитата* также зафиксировано лишь одно значение — «дословная выдержка из какого-н. текста» [Там же]³. Однако очевидно, что *индекс цитирования* означает не «показатель количества дословных выдержек», а «показатель количества ссылок на работы автора». Таким образом, здесь реализуется значение, точно соответствующее значению английского существительного *citation*, образованного от глагола *cite*, — “refer to (a passage, book, or author) as evidence for or justification of an argument or statement, especially in a scholarly work” (упоминать, ссылаться на (отрывок из текста, книгу, автора) для доказательства или подтверждения приведенного аргумента или сделанного заявления, особенно в научной работе) [8]. При этом немаловажен тот факт, что *cite* (наряду с *quote*) является одним из основных, наименее контекстно-обусловленных словарных переводных эквивалентов глагола *цитировать*. Кроме того, в данном случае при выборе одного из двух словарных соответствий играет роль и факт ясно осознаваемого этимологического родства *cite* и *цитировать*.

Вряд ли можно усомниться в том, что новое значение (не связанное с приведением именно дословных выдержек) у слов *цитировать*, *цитирование*, *цитируемый* является продуктом калькирования именно с английского языка: однозначно в пользу такого решения говорит время появления этого значения (по Национальному корпусу русского языка — в текстах, созданных не ранее 1994 г.), тематика текстов, в которых эти слова появляются в новом значении (в первую очередь — наука и технологии), а также то, что коллокация *индекс цитирования* является прямым переводным эквивалентом английской коллокации *citation index*.

Аналогичным образом определяется факт семантического калькирования в случаях употребления некоторых абстрактных существительных — *риск*, *продажа*, *озабоченность*, *практика* и др. — во множественном числе⁴: *повысить объемы продаж*, *снять озабоченности сторон*, *типы потребительских практик* и т. п. Такому употреблению в значительной степени способствует появление у этих слов новых значений, калькированных с английского языка.

² В словаре [10] соответствующая статья отсутствует. В 4-томном академическом «Словаре русского языка» данное существительное толкуется как «действие по знач. глаг. цитировать» [4, с. 648].

³ Ср. толкования по академическому «Словарю русского языка»: *цитировать* — «приводить откуда-л. цитату» [4, с. 648]; *цитата* — «дословная выдержка из какого-л. текста» [4, с. 647] (единственное значение).

⁴ Подробный анализ динамики развития числовой парадигмы слова *риск* содержится в статье [12], слова *продажа* — в статье [13].

В частности, подавляющее большинство употреблений форм мн. ч. лексемы *продажа* приходится на случаи реализации ею значений «сбыт продукции как направление коммерческой деятельности» и «количество проданных товаров, объем товарооборота», не зафиксированных в толковых словарях русского языка и появившихся у данной лексемы в результате семантического калькирования с английского языка, где эти значения реализуются только формой мн. ч. *sales*, что специально отмечается в английских толковых словарях (например, [8]). Таким образом, в данном случае восполнение числовой парадигмы происходит не в последнюю очередь за счет новых значений, появившихся у лексемы *продажа* (а точнее, лишь у ее форм мн. ч.) в последние три десятилетия в результате калькирования. При этом следует отметить, что предположение о калькировании лишалось бы всякого основания, если бы не наблюдалось переводной эквивалентности между словами *sale* и *продажа* на уровне их исходного значения — «действие по глг. продать—продавать» [14, с.478] и “the action of selling something” [8]. Таким образом, механизм семантического калькирования, запуск которого способствовал восполнению числовой парадигмы данного существительного, полностью укладывается в описанную выше модель, если переменным приписать следующие значения:

- язык-источник (L1) — английский; лексическая единица языка-источника (WL1) = *sale*;
- язык-реципиент (L2) — русский; лексическая единица языка-реципиента (WL2) = *продажа*;
- исходное значение: $X'_{(SALE)} = \text{'the action of selling something'}$ [8] = $X'_{(ПРОДАЖА)} = \text{'действие по глг. продать—продавать'}$ [13];
- производное значение (а): $X''_{(SALE,pl)} = \text{'a quantity or amount sold'}$ [8] = $X''_{(ПРОДАЖА,мн.)} = \text{'количество проданных товаров или стоимость проданных товаров'}$ (в словарях не зафиксировано), ср.:

(1) В результате **продажи** в денежном выражении выработано на 70–80 млн долл. [15];

- производное значение (б): $X''_{(SALE,pl)} = \text{'the activity or business of selling products'}$ [8] = $X''_{(ПРОДАЖА,мн.)} = \text{'деятельность или занятость в области продажи продукции'}$ (в словарях не зафиксировано), ср.:

(2) У нас первые дни всегда проходят в бесконечных совещаниях, — рассказывает менеджер по **продажам** Сергей Дубенцов [15].

Как отмечено в статье [13], случаев употребления форм ед. ч. вместо мн. ч. в первом из указанных производных значений (а) в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) [15] не зафиксировано (представляется, что такое употребление невозможно); случаи употребления форм ед. ч. во втором значении (б) имеются, однако только при наличии пациентивного дополнения (т. е. *менеджер по продаже / по продажам оборудования*, но не **менеджер по продаже*), и частотность таких форм даже в этом случае значительно ниже частотности форм мн. ч.

В принципе аналогичная ситуация наблюдается с формами мн. ч. лексем *озабоченность* и *практика*, отсутствующими в текстах, созданных ранее середины 1990-х годов. В отличие от числовых парадигм существительных *риск* и *продажа*, ставших реально дефектными к началу 1930-х годов и в полной мере восстановивших полностью в 1990-е годы (см. [12; 13]), числовые парадигмы лексем *озабоченность* и *практика*

ка, согласно данным корпуса [15], были дефектными на всем протяжении существования этих слов в русском языке до конца XX в., и их формы мн. ч. впервые вошли в узус лишь в 1990-е годы: первое употребление формы мн. ч. существительного *озабоченность*, зафиксированное в основном корпусе [15], относится к 1998 г., формы мн. ч. существительного *практика* — к 1996 г. Развитие полных числовых парадигм у этих слов является прямым результатом появления у них новых значений в результате семантического калькирования.

Так, существительное *озабоченность*, помимо ранее имевшегося у него значения «свойство или состояние по знач. прил. *озабоченный*» [16, с. 601], в последнее десятилетие XX в. приобрело новое значение — «повод для беспокойства; проблема, вызывающая особую тревогу», в котором употребляется как исчисляемое существительное с полной числовой парадигмой, ср.:

- (3) Полагаем, что будет ускорен процесс разрешения законных **озабоченностей** России, еще сохраняющихся в отношениях с Европейским союзом [15].

Указанное значение появилось у лексемы *озабоченность* в результате семантического калькирования с английского существительного *concern*, стандартным переводным эквивалентом которого в русском языке, особенно в дипломатическом дискурсе, является существительное *озабоченность*. В связи с этим следует отметить, что в основном корпусе [15] значительная доля вхождений лексемы *озабоченность* в текстах, созданных после 1990 г., приходится именно на тексты по проблемам международных отношений. По данным корпуса, доля употреблений форм мн. ч. рассматриваемой лексемы составляет в текстах 2001–2005 гг. 22,3 % (100 из 448 вхождений за указанный период); в текстах же 1981–2000 гг. этот показатель составляет всего 1,9 % (2 из 207 вхождений), а в текстах до 1980 г. употреблений форм мн. ч. этого существительного в корпусе [15] не зафиксировано.

В настоящее время такое употребление вышло за рамки дипломатического дискурса и стало достаточно частотным в текстах широкой общественно-политической тематики, ср.:

- (4) Я в целом знаком, мне докладывали и о тех проблемах и **озабоченностях**, которые вас волнуют сегодня [15].

В данном случае гипотеза о семантическом калькировании представляется вполне обоснованной, поскольку имеется переводная эквивалентность на уровне исходного значения, и механизм развития нового переносного значения у существительного *озабоченность* укладывается в описанную выше схему.

Язык-источник (L1) — английский; WL1 = *concern*.

Язык-реципиент (L2) — русский; WL2 = *озабоченность*.

Исходное значение: 'X'_(CONCERN) = “anxiety, worry” [8] = 'X'_(ОЗАБОЧЕННОСТЬ) = «свойство или состояние по знач. прил. *озабоченный*» [9, с. 601]. Согласно данным переводных словарей [16; 17], прилагательное *concerned* является одним из основных переводных эквивалентов прилагательного *озабоченный*; что касается переводных эквивалентов самого существительного *concern*, в качестве таковых приводятся лишь синонимы *беспокойство*, *забота*, *тревога*, однако в словаре [16] слово *озабоченность* употребляется в примерах переводов коллокаций («to express deep [concern] — выражать большую озабоченность; to cause [concern] — вызывать беспокойство

(тревогу, озабоченность)». В данном, исходном, значении существительное *concern*, как и русское *озабоченность*, является неисчисляемым.

Производное значение: 'X'^(CONCERN) = 'A cause of anxiety or worry' [9] = 'X'^(ОЗАБОЧЕННОСТЬ) = 'повод для беспокойства или тревоги' (в словарях не зафиксировано). В этом значении существительное *озабоченность*, так же как и *concern*, является исчисляемым и имеет полную числовую парадигму. Следует отметить, что в данном случае имеет место вполне естественный метонимический перенос, и в принципе новое значение могло бы развиваться без иноязычного влияния, однако условия появления этого значения (в частности, тот факт, что новое значение фиксируется прежде всего в текстах одной из тематических групп, в наибольшей степени подверженных влиянию английского языка) свидетельствуют об обратном. При этом обязательной предпосылкой семантического калькирования переносного значения является, как и в других рассмотренных случаях, переводная эквивалентность на уровне исходного значения.

Существительное *практика* также становится исчисляемым в новом значении — «обычный способ поведения или выполнения каких-л. действий или процедур», и, несмотря на наличие в соответствующей статье словаря [10] ограничительной пометы «мн. нет», в начале XXI в. начинает употребляться в формах мн. ч. — например, в коллокациях *потребительские практики*, *эзотерические практики*, *социальные практики*, *сексуальные практики*, *речевые практики* и т. п., ср.:

- (5) Однако Высоцкий не знал необходимых духовных **практик**, и прежде всего — практики смирения, добровольной бедности и упования на Бога [15];
- (6) Во-первых, социальные **практики** приводят к изменению качества жизни [18].

Точная количественная оценка роста частоты употребления форм мн. ч. по НКРЯ в данном случае затруднена омонимией не только падежно-числовых форм лексемы *практика*, но и их омонимией с формами лексемы *практик* («работник, который хорошо изучил свое дело на практике» и «практичный, деловой человек» — толкования по словарю [10]). Значительно проще произвести такую оценку только для случаев употребления рассматриваемой лексемы в сочетаниях с зависимыми прилагательными в препозиции, задав в критериях лексико-грамматического поиска соответствующие флексии прилагательных женского рода и исключив таким образом попадание в выборку большей части омонимичных форм слова *практик*. Согласно результатам поиска в основном корпусе НКРЯ [15], случаи употребления лексемы *практика* во множественном числе в сочетании с зависимым прилагательным в текстах, созданных до начала XXI в., отсутствуют: наиболее ранний по времени создания текст, содержащий такое сочетание, относится к 2002 г. (в газетном корпусе, где представлены тексты, созданные не ранее 2000 г., первый по времени создания текст с таким употреблением рассматриваемой лексемы датируется 2001 г., причем общее количество примеров такого употребления в газетном корпусе почти вдвое больше, чем в основном, что ясно указывает на путь проникновения данной инновации). Таким образом, расширение семантики слова *практика* в результате появления у него переносного значения (метонимия: деятельность → вид деятельности) и, соответственно, восполнение числовой парадигмы этого существительного следует, по-видимому, рассматривать как новейшее явление, имеющее место в контексте общего усиления контактных влияний со стороны английского языка.

Представляется, что появление у существительного *практика* указанного переносного значения является результатом семантического калькирования с английского *practice*, имеющего в соответствующем значении (“the customary, habitual, or expected procedure or way of doing of something” [8]) полную числовую парадигму, ср. следующие примеры, взятые из Корпуса современного американского варианта английского языка [19]:

- (7) Cross-culturally, the posture of standing meditation... is used in the martial arts, **spiritual practices**, and in the military as a way of reinforcing and coalescing the three universal powers and of connecting with the greater being of who they are;
- (8) Thus, discourses exist both in written and oral forms and in the **social practices** of everyday life.

В качестве примеров (7) и (8) из корпуса специально выбраны предложения, содержащие коллокации *spiritual practices* и *social practices*, переводными эквивалентами которых являются употребленные в примерах (5) и (6) коллокации с формой мн. ч. существительного *практика*; при этом намеренно подбирались примеры из текстов, созданных в начале 1990-х годов (в Корпус включены тексты, созданные в период с 1990 г. по настоящее время).

Приведенные соображения подтверждают гипотезу о том, что формирование нового значения у слова *практика*, так же как и в описанных выше случаях, происходит на основе устоявшейся переводной эквивалентности (*practice* = *практика*), причем результатом действия механизма калькирования и расширения семантического спектра лексемы *практика* в русском языке является восполнение числовой парадигмы этого существительного за счет употребления форм мн. ч. в стандартном вторичном значении этой граммемы — «видовом множественном» (о вторичных значениях граммем числа см. [20, с. 281–283]).

* * *

Таким образом, проведенный анализ подтверждает предположение о том, что семантическое калькирование представляет собой один из механизмов, используемых языком для расширения семантического потенциала своих лексических единиц за счет значений, имеющих у их словарных эквивалентов в другом языке. Хотя речь здесь не идет о коренной перестройке системы языка или какого-либо из ее уровней, действие данного механизма может способствовать грамматическим изменениям. Например, именно с семантическим калькированием с английского языка связан процесс восполнения числовых парадигм некоторых из тех абстрактных существительных⁵, которые еще в середине XX в. в формах мн. ч не употреблялись,

⁵ Говоря о числовой парадигме существительного, следует принимать во внимание, что многозначное слово может иметь полную числовую парадигму не во всех, а только в некоторых своих значениях. В частности, справедливо считается, что существительное *стол* обладает полной числовой парадигмой; однако, например, в значении «пища, еда, съестное» — *расходы на стол, разнообразить свой стол* (толкование и примеры по словарю [4, 271]) — это слово имеет, по-видимому, дефектную числовую парадигму. Аналогичным образом, когда речь идет о восполнении парадигмы абстрактного существительного (например, *продажа*), имеется в виду появление у него полной парадигмы в принципе, но не обязательно во всех значениях.

и соответствующие статьи в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова [21] снабжены пометой «мн. нет». При этом факт семантического калькирования достоверно выявляется только тогда, когда иноязычное слово, ставшее источником нового значения для слова языка-реципиента, является для него словарным переводным эквивалентом на уровне исходного значения, которое служит основой для переноса наименования в языке-источнике.

Литература

1. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
2. Маринова Е. В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах: словарь-справочник. М.: Флинта; Наука, 2013. 240 с.
3. Centre national de ressources textuelles et lexicales. URL: <http://www.cnrtl.fr/> (дата обращения: 21.10.2014)
4. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1988. Т. 4. 800 с.
5. Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни / отв. ред. Е. А. Земская // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 142–161.
6. Земская Е. А., Розина Р. И. О словаре современного русского жаргона. Принципы составления и образцы словарных статей // Русистика (Берлин). 1994. № 1–2. С. 96–112.
7. Крысин Л. П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // PHILOLOGY.RU: Русский филологический портал. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-00.htm> (дата обращения: 22.01.2015).
8. Oxford dictionaries. URL: <http://oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 21.10.2014)
9. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1986. Т. 2. 736 с.
10. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: ЭКСМО, 2010. 944 с.
11. Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях: очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008. 320 с.
12. Горбов А. А. К вопросу об эволюции числовых парадигм отвлеченных существительных в русском языке XX — начала XXI века: анализ типичного примера // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 9. 2013. Вып. 2. С. 114–122.
13. Горбов А. А. Об эволюции парадигмы существительного *продажа* // Русский язык в научном освещении. 2013. № 2 (26). С. 151–165.
14. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1987. Т. 3. 752 с.
15. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.10.2014).
16. Новый большой англо-русский словарь: в 3 т. / под ред. Ю. Д. Апресяна, Э. М. Медниковой и др. М.: Русский язык, 1993–1994. 2496 с.
17. Ермолович Д. И., Красавина Т. М. Новый большой русско-английский словарь. М.: Русский язык — Медиа, 2008. 1100 с.
18. Резник Ю. М. Человек и его социальные практики // Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. 2008. Вып. 2. С. 86.
19. Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 20.10.2014).
20. Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Едиториал УРСС, 2003. 384 с.
21. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Советская энциклопедия»; ОГИЗ (т. 1); Гос. изд-во иностр. и национальных словарей (т. 2–4), 1935–1940. 5527 с.

Статья поступила в редакцию 26 января 2015 г.

Контактная информация

Горбов Андрей Андреевич — кандидат филологических наук, доцент; verde2002@yandex.ru
Gorbov Andrei A. — Candidate of Philology, Associate Professor; verde2002@yandex.ru